



Лариса КУЗЬМЕНКО



Евгений Микеладзе

«Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая  
и угасшая.  
А молнии высекаются небом. А небо вечное.  
И в этом мое утешение»  
(Чингиз Лйтматов «Белый пароход»)

**Загадка одной пластинки  
(к 110-летию Евгения Микеладзе)**

Летом 2013 года работники медиатеки Санкт-Петербургской консерватории разбирали фондовые пластинки, технически не находящиеся в обращении (их воспроизведение на современной аппаратуре невозможно). Несколько пластинок сразу обратили на себя внимание – на них белой краской (без сомнения – намеренно), были затерты имена дирижеров, под управлением которых была сделана запись.

Эта статья связана с пластинкой с записью «Лезгинки» из оперы Палиашвили «Даиси», фигурирующей в каталоге под номером 2810.

К сожалению, определить имя дирижера по идентификационному номеру записи не представляется возможным, так как архивы зачастую не точны и потому инвентарный номер записи никуда не приводит. Однако, несмотря на то, что нигде нет прямых указаний на данную запись, по исполнителям и по названию записанного произведения можно догадаться, кто дирижер.

Имя его, так тщательно затертое белой краской – Евгений Микеладзе.

Энциклопедические справки о Евгении Семеновиче Микеладзе крайне лаконичны и обычно ограничиваются следующими сведениями: «Е.С. Микеладзе (1903–1937), грузинский дирижер, педагог, заслуженный деятель искусств Грузии. С 1933 главный дирижер Грузинского театра оперы и балета. Выступал в симфонических концертах. Репрессирован, реабилитирован посмертно» [8].

Эта информация позволяет нам понять причины желания навсегда скрыть имя дирижера под слоем краски, но она очень скупо раскрывает биографию этого человека.

В родной дирижеру Грузии о Микеладзе помнят и относятся к нему как к человеку с непререкаемым авторитетом. В России же его фигура незаслуженно предана



забвению и растворилась в прошлом. Это особенно несправедливо, учитывая тот факт, что *Alma mater* Евгения Семеновича – Санкт-Петербургская консерватория.

Цель моей статьи – рассказать о годах учебы Евгения Микеладзе в стенах Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории.

Многое из личного архива Евгения Микеладзе и его близких пропало при неизвестных обстоятельствах, поэтому некоторые страницы его биографии можно восстановить только по воспоминаниям современников.

Евгений Семенович поступил в Ленинградскую консерваторию в 1926 году и закончил ее как дирижер в 1931. За этой фразой стоит целая история о человеке крайне настойчивом и целеустремленном.

Сначала Микеладзе учился в Тбилисской государственной консерватории на теоретико-композиторском отделении (дирижерского класса в те годы в этой консерватории не было). По поводу этого он говорил в шутовском тоне, что не представляет себя ни теоретиком, ни композитором. Кроме учебы он играл на валторне в полковом оркестре, работал помощником капельмейстера в Грузинской военной сводной школе и капельмейстером в 6-м грузинском стрелковом полку. И вот – 1926 год. Ему 23 года. У него есть образование, постоянная, интересная и перспективная работа. Но еще у Микеладзе есть давняя заветная мечта – стать дирижером.

Увлеченный мечтой о дирижерской деятельности, Микеладзе понимал, что ему необходимо сделать решительный шаг в жизни и поехать в такой музыкальный центр, как Ленинград – «не хочется в Тифлисе терять даром годы» [7; 16].

Рискованность этого шага была связана, во-первых, с материальными трудностями – Микеладзе должен был сам обеспечивать себя и помогать матери и сестре. При этом из-за денежных трудностей он вынужден был поступить на духовое отделение, так как студенты, обучающиеся на духовых инструментах, имели материальные льготы, в отличие от студентов дирижерского отделения.

Г. М. Тактакишвили в своей книге о Микеладзе рассказывает о том, как Евгений Семенович попал в дирижерский класс.

«Любопытный случай способствовал переводу Микеладзе на дирижерское отделение.

Однажды он с друзьями зашел в класс послушать учеников выдающегося дирижера Н. А. Малько. Примостился в углу, вблизи рояля. Случайно на столе возле Малько оказалась теннисная ракетка. Малько взял ее, ударил сеткой об угол стола и спросил, что это за нота. Звук получился очень неопределенный, и как-то никто сразу не смог его определить. Евгений тихо взял ноту на рояле. Малько обернулся:

– Кто это?

– Простите, это я, невольно, – ответил сконфуженный Микеладзе.

Малько стал расспрашивать Микеладзе, заинтересовался им, проверил данные и спросил:

– Почему вы не учитесь на дирижерском?



Евгений признался, что причина – в стесненных материальных средствах. Тогда Малько написал на своей визитной карточке пропуск на все занятия и передал его Микеладзе.

– А концерты и оперы вы часто посещаете?

Микеладзе признался, что оперы – не очень часто, только после получения стипендии. Малько достал вторую карточку и написал, что предоставляет ему право пользоваться своим креслом в оперном театре.

Так сбылась заветная мечта – он наконец стал обучаться дирижированию» [7; 19].

Вторая причина рискованности шага заключалась в сложности обучения на дирижерском отделении. Приведу такой факт. В первый год появления в консерватории дирижерского класса к вступительному экзамену было допущено около сорока студентов. На 1 курс приняли 24 человека, из которых лишь семеро благополучно дошли до последнего курса и закончили консерваторию.

Интересно, что успеваемость определялась не экзаменационными оценками, а характеристиками, учитывавшими работу за весь семестр. Этого было достаточно для того, чтобы перевести на следующий курс или из-за неуспеваемости, а главное, отсутствия дарования, отчислить из дирижерского отделения.

Микеладзе было особенно сложно еще и потому, что он поступил в чрезвычайно сильный по составу класс. Его однокурсники – Мравинский, Рабинович, Мусин, Грикуров, Шерман, Школьников, Шнейдерман – все впоследствии стали большими дирижерами. Интересно воспоминание Мравинского об одном из его однокурсников: «Сенсационным было появление в нашем классе А. Мелик-Пашаева, слава о таланте которого опередила его появление. Мы смотрели на него – уже дирижера-профессионала – снизу вверх, вообще как на что-то недостижимое» [5; 114]. Таким образом, Микеладзе попал в класс, в котором почти все занимавшиеся были достаточно зрелыми музыкантами. Каждый имел не только теоретическое образование, но и большой практический опыт исполнительской деятельности.

Естественно, что такое окружение безмерно вдохновляло и заставляло студентов быть еще более старательными, чтобы не отстать от сокурсников. О своих занятиях Евгений писал: «Я должен учиться очень много...Здесь есть чему учиться» [7;17]. Микеладзе с головой окунулся в работу, иной раз просиживал до двадцати часов в сутки. Характерно в этом отношении одно из его писем. К тому времени у него развились ревматизм и заболевание рук – поздно начав заниматься на рояле, он слишком форсировал занятия и в результате переиграл руку. Он сообщал в письме, что у него болят руки, но когда боль уменьшается, ему все же удается немного поработать на рояле – часа три.

Но, конечно, не менее важным источником вдохновения были преподаватели.

Можно без преувеличения сказать, что профессорско-педагогический состав, обучающий дирижеров, был исключительным. Достаточно назвать всего несколько имен: Х. Кушнарев (полифония, гармония), А. Житомирский (инструментоведение, оркестровка), П. Рязанов (мелодика), И. Соллертинский (эволюция театральных форм), А. Оссовский (история музыкальной культуры), Р. Мервольф (чтение партитур), Э. Каплан



(практика театра), Ю. Тюлин (гармония). Очень дорожил Микеладзе лекциями профессора В. Щербачева по композиции и анализу музыкальных форм. Кроме того, вплоть до четвертого курса Микеладзе не переставал заниматься валторной (у М. Буяновского).

В воспоминаниях однокурсников Микеладзе о педагогах чувствуется искреннее уважение: «Талант, знания, ищущая мысль этих художников так привлекали нас, что на занятия к ним мы шли не по звонку, не по принуждению, а по чувству внутренней необходимости, по личному побуждению» [5; 115]. Педагоги казались им «словно одержимыми искусством», вселяли «священный трепет».

Педагогом Микеладзе по специальности сначала (чуть больше года) был Николай Андреевич Малько, а затем – Александр Васильевич Гаук. О методике работы со студентами можно узнать из воспоминаний младшего однокурсника Микеладзе – О.А.Дмитриади. «Занятия на нашем отделении были распределены умело: начинались они во второй половине дня, с утра же молодые дирижеры могли посещать репетиции в Филармонии, в театрах. Занятия по специальности проводились индивидуально, но в присутствии почти всех студентов, которые выполняли за роялем функции оркестра» [5; 116].

И Малько, и Гаук пользовались у студентов огромным авторитетом. Мравинский вспоминает Малько как «талантливого дирижера, умного, ищущего музыканта» [5; 114]. Однако после прочтения воспоминаний нескольких однокурсников Микеладзе возникает ощущение, что методика преподавания Гаука была ближе студентам: «общение с Малько было интересным, но, признаться, в профессиональном отношении его занятия давали мало. К тому же, студенты-дирижеры тогда почти не имели практической работы с оркестром» [5;114]. Гаук «принес в занятия конкретность, профессионализм и систему, дал нам прочные исполнительские навыки и настоящую технику дирижерского искусства. Он превосходно знал мировую симфоническую литературу, помогал нам разбираться в исполнительском плане того или иного произведения, никогда не навязывал личной интерпретации и манеры дирижирования. В классе происходили споры о трактовке какого-либо значительного произведения, и тогда Гаук использовал лучшую возможность: на ближайшем концерте доказывал свою точку зрения, и очень убедительно» [5; 116].

И. А. Мусин отмечает, что Гаук во многом являлся полной противоположностью Малько, с учениками занимался «более обстоятельно», «мог по многу раз заставлять повторять неудавшееся место с тем, чтобы добиться желаемого результата», «значительно больше внимания обращал на техническую сторону дирижирования, на осанку, свободу и подвижность кисти», «чаще... становился за пульт, чтобы показать, как надо дирижировать то или иное место» [5; 124].

Минусом такого метода было то, что некоторые студенты подражали Гауку. Недостатка подражания избежали те, «кто, занимаясь у Малько, привык к самостоятельности и, уже имея какую-то свою манеру дирижирования, воспринимал дирижерские показы Гаука лишь как пример для творческого поиска, а не для бездумного копирования» [5; 125].



Таким образом, Евгению Микеладзе очень повезло – его учителями были первоклассные дирижеры с разным подходом к процессу обучения.

На основе воспоминаний и писем однокурсников Микеладзе можно сделать вывод, что профессиональное музыкальное образование их сформировали три университета: занятия в Ленинградской консерватории, Мариинский театр, привлекавший выдающимися театральными постановками и Ленинградская филармония с ее прекрасным оркестром. По словам Л. Ш. Мелик-Пашаева, «вот эти три источника знаний формировали творческое мышление, творческое самосознание» [5; 113].

Каким же студентом был Микеладзе? Судить об этом мы можем, опять же, только по воспоминаниям.

Все высказывания педагогов в адрес Евгения Семеновича исключительно положительные. Так, Малько перед отъездом за границу подарил Микеладзе карточку с надписью: «Я верю в ваше великое будущее» [7; 19]. Гаук писал: «Он выделялся необыкновенной настойчивостью, с которой он преодолевал стоящие перед ним трудности. Вся его работа в моем классе шла под знаком ярко выраженного волевого начала, и этим качеством он выделялся среди своих одноклассников» [7; 19]. Уже после гибели Микеладзе Гаук как-то сказал И. Андронику: «Ты знаешь, за целую жизнь я почти не встречал таких одаренных дирижеров, как Микеладзе. Перед ним было огромное будущее...» [1; 223].

Однокурсники, друзья и коллеги Микеладзе говорят о нем как об очень многогранном человеке: любящем природу, увлекающемся спортом, горячем, вспыльчивом, дерзком, но одновременно преданном и внимательном друге. Основными чертами его характера называют требовательность к себе, самодисциплину и перфекционизм. Многие отмечали его огромное дарование, необычайную музыкальную память (например, он часто дирижировал наизусть), ищущий характер, страстность и целеустремленность.

Мравинский так пишет о Евгении Семеновиче: «замечательными человеческими и дирижерскими качествами отличался Е. Микеладзе. Благородный, честный, прямой, хотя порой и несдержанный, он был ярко одарен. П. Малько говорил, что Микеладзе обладал редким свойством – в его руке была «живая палочка». Я убежден, что если бы не преждевременная трагическая смерть, Е. Микеладзе был бы одним из самых крупных советских дирижеров. Ему как товарищу я многим обязан: в трудные студенческие годы, в пору сомнений, он всегда вселял в меня твердость духа и веру в свои силы» [5; 115].

Единственное, что беспокоило Микеладзе и чем он не мог заняться так, как хотел бы – это рояль, и об этом он часто сожалел. Восполняя этот пробел, он играл на валторне, разучил большой репертуар, а главное – много времени уделял изучению партитур внутренним слухом.

Много времени посвящал он самообразованию. Например, вместе со своими земляками организовал хоровой кружок. Их коллектив исполнял такие произведения, как, например, «Реквием» Моцарта, «Missa solemnis» Бетховена. Пели они музыкально, чисто, но голосами обладали явно не первоклассными. По соседству, где они собирались, жила



певица, артистка Мариинского театра, которая по поводу их исполнения говорила: «Поют паршиво, но здорово» [7; 20].

Студенты-дирижеры старших курсов консерватории проводили в Студии самостоятельную работу по постановке опер. В Студии Микеладзе дирижировал такими операми как: «Царская невеста», «Евгений Онегин», «Тоска». А его выпускной работой стала опера Моцарта «Так поступают все». Ставил этот спектакль И. Ершов – режиссер и педагог очень требовательный, вспыльчивый, своенравный. И шумные споры Микеладзе с Ершовым обсуждались всей консерваторией. Потому что другие музыканты не решались спорить с Ершовым.

Все эти спектакли выходили за рамки ученических и являлись подлинно профессиональными.

Микеладзе был на последнем курсе консерватории, когда его вызвали в Москву дирижировать симфоническим оркестром. Об этом концерте Микеладзе в дальнейшем писал: «Первое мое торжество было в день десятилетия установления Советской власти в Грузии, когда я дирижировал в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, на торжественном концерте» [7; 25]. Со слов самого Микеладзе, первые четыре года в Ленинграде он «не звучал», лишь на пятом курсе о нем заговорили как-то вдруг.

В 1931 году Евгений Семенович отлично закончил консерваторию и вернулся в Тбилиси, где сразу же обратил на себя внимание.

Таким образом, можно сказать, что годы учебы в Ленинградской консерватории были необходимым этапом формирования Микеладзе как дирижера и время своего пребывания в консерватории и вообще в Ленинграде он сумел использовать максимально плодотворно.

По окончании консерватории Микеладзе имел возможность начать творческую деятельность в Москве или Ленинграде, однако он выбрал Тбилиси.

Та воля, упорная борьба, трудолюбие, с которыми он шел к своей мечте – восхищают. Это ужасно несправедливо, грустно, неправильно, однако за дирижерским пультом Евгений Микеладзе стоял всего шесть с небольшим лет... За это время он продирижировал более чем двадцатью операми и балетами. Однако его биографию нельзя описать одним только впечатляющим списком исполненных им произведений, так как помимо исполнительской он вел организационную, общественную и педагогическую работу, состоял во многих комиссиях по прослушиванию и просмотру современных опер и балетов, консультировал в различных ансамблях, производил звукозапись концертов, озвучивал фильмы, выступал в радиостудии.

Микеладзе оставил неизгладимый след в грузинской музыкальной культуре. В качестве бесспорного признания дирижерского таланта Микеладзе можно привести еще два факта. В мае 1933 года под руководством Микеладзе исполнялся Третий концерт Прокофьева. Интересно, что после исполнения Прокофьев, который до этого открыто высказывал свои сомнения относительно кандидатуры дирижера, публично обнял и расцеловал Микеладзе. А в 1955 году Шостакович сказал такие слова: «Евгений Семенович Микеладзе был выдающимся советским дирижером. Он обладал огромным талантом и большой общей и музыкальной культурой. За время своей работы в Тбилиси он очень



много сделал для развития грузинской музыкальной культуры. Микеладзе был гордостью советской дирижерской школы» [7; 4].

Сам Микеладзе так определил свой девиз: «радость творчества и радость подготовки новых сил для искусства – вот содержание моей жизни, и таким оно будет всегда» [7;32].

\*\*\*

Дирижерское искусство зыбко в силу своей мгновенности, сиюминутности. Звучит последний аккорд, палочка опускается... Видеозаписей концертов далеких 1930-х годов, конечно же, не существует, каких-либо трудов по дирижированию Микеладзе написать не успел, его личные архивы уничтожены. Все, что у нас осталось от творческой деятельности этого удивительного человека – это несколько пластинок с наглухо закрасенным именем. А ведь сотрудники фонотеки 30-х годов могли просто избавиться от этих пластинок. И тогда в Санкт-Петербургской консерватории не было бы ни единого материального свидетельства самого факта присутствия дирижера Микеладзе на свете.

Однако, имя Микеладзе не забыто – о нем помнят соотечественники, его именем назван государственный симфонический оркестр и музыкальное училище в Тбилиси. Ему посвящает свои фильмы его сын – Вахтанг Микеладзе – известный кинодокументалист, выпускник ВГИКа, который назвал своего сына в честь отца.

И белые взволнованные руки  
Взошли во тьме, таинственно светясь,  
И не было пронзительнее муки,  
Чем та, что станет музыкой сейчас...  
(А. Филатов «Смерть дирижера»)

Вот такая история стоит за пластинкой №2810, изъятой из фонда обращения



Та самая пластинка № 2810



Список литературы:

1. Андроников И.К. музыка. – М.: «Советский композитор», 1975.
2. Гаук А.В. Мемуары. Избранные статьи. Воспоминания современников. – М.: «Советский композитор», 1975.
3. Димитриади О. Незабвенный дорогой друг // Тема судьбы: дирижер К. Симеонов. Воспоминания современников. Письма. Материалы. – М.: «Иван Федоров», 2002.
4. Иоанисян И. Беседы с И.Л. Мусиным: Воспоминания о жизни и учениках. – Ереван: «Анаит», 1993.
5. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Кн. 2. 2-е изд. – Л. : Музыка, 1988.
6. Мравинский Е.А. – великий русский дирижер / С. Ильченко // Санкт-Петербургский музыкальный вестник. – 2008. – № 43. – Январь.
7. Тактакишвили Г. Евгений Микеладзе. – М.: Музыка, 1973.
8. <http://dic.academic.ru> [Текст]. Дата обращения 29.10.13г.
9. <http://ik-zona.tv/video/intervyu-vahtanga-mikeladze> [Видеозапись]. Дата обращения 28. 10. 13г.

Выражаю благодарность Погаревой Юлии Львовне за предоставленную информацию